

В вышедшей накануне 200-летия Венского конгресса книге президента Фонда Макса Вебера (ФРГ) Х. Духхардта, несмотря на ее малый объем, ставится много вопросов. Венский конгресс 1814–1815 гг. занимает особое место в истории Европы нового времени. После бурных событий Великой французской революции и наполеоновских войн изменилось соотношение сил и создались условия для долговременного мирного порядка. Как подчеркивает немецкий историк, Венский конгресс отличался от предшествовавших конгрессов такого рода тем, что действиями дипломатов руководили присутствовавшие на заседаниях конгресса монархи. В чем-то это обстоятельство облегчало дипломатам их деятельность, в чем-то затрудняло (с. 14). Кроме того, как пишет автор, Венский конгресс был “случайным продуктом” времени, так как поначалу русский царь Александр I, австрийский император Франц II и прусский король Фридрих Вильгельм III собирались сразу после свержения Наполеона провести конгресс в Париже. Но возникло много вопросов. Как восстановить существовавшее прежде равновесие сил, должно ли оно основываться только на согласии членов коалиции? И как быть с Францией, чтобы не превратить ее в парию и не перенести в “новое время” конфликтный материал, способствующий реинтеграции побежденного, и создать многополярность заново “сшитой” системы государств? Получалось так, что конгресс не находил новые решения, но погружался в старую игру “соребнующихся политик” (с. 22).

Х. Духхардт отмечает, что вместе с тем явное возвращение к старой системе государств, основанной на конкуренции и войнах между великими державами, после 20-летнего кровопролития и социально-политических преобразований большей части европейского общества представлялось невозможным. Вместо погони за славой, права сильного и династически обусловленных войн желательными становились соблюдение международных договоров и международного права, вместо доктрины равновесия сил, которая могла использоваться для прикрытия корыстных целей, появляется идея “концерта держав”, или “системы безопасности”. Борьба Англии и Франции за гегемонию в Европе теперь уходит в прошлое, Великобритания стремится ограничить вли-

яние России, для чего ей надо поддерживать Бурбонов на французском троне и влиять на политику Франции (с. 26, 29).

Далее Х. Духхардт пишет, что Венская система означала изменения преимущественно в дипломатическом плане, тогда как послаблений в национальном вопросе и либеральных перемен она не предусматривала. Мало того, продолжает свою мысль автор, по инициативе русского царя был создан основывавшийся на религиозно-мистических началах Священный Союз, в который вошли три великие “восточноевропейские державы” – Россия, Австрия и Пруссия. Но насколько новаторской была идея коллективной безопасности, настолько скромным было актуальное правовое и политическое значение Священного Союза, считает Х. Духхардт, российскую гегемонию невозможно было установить. Австрийский министр иностранных дел К.В. Меттерних и его британский коллега К.С. Кэстлри считали полезным использовать идеалистическое и мистическое видение вечного союза христианских монархов, но они-то были реалистами в политике (с. 31–32).

В разделе под названием “Актеры и актрисы” характеризуются основные участники переговоров как мужского, так и женского пола. Всем им даются краткие, но содержательные характеристики, в первую очередь австрийскому императору Францу I, русскому царю Александру I, затем Меттерниху и министру иностранных дел Франции Ш.М. Талейрану, который “выжал” из сложившегося соотношения сил на конгрессе максимум выгод для побежденной Франции, сохранив ее даже после поражения в числе великих держав. Меттерних, например, предстает в книге Х. Духхардта одновременно как человек совершенно беспринципный, когда речь шла об интересах государства, неподкупный с одними, любезный с другими, обходительный с женщинами, остроумный и ироничный (с. 41, 46–48). Интересная характеристика дана “серому кардиналу” конгресса князю де Линю, автору знаменитой фразы “конгресс танцует и не движется”.

На работу “танцующего конгресса” среди прочего оказывали влияние и женщины, среди которых выделялись княгиня Екатерина Багратион, вдова героя войны 1812 г., и герцогиня Вильгельмина Саган. Автор книги

также описывает атмосферу конгресса, когда за праздниками и развлечениями скрывалась упорная и монотонная работа дипломатов и их секретарей по преобразованию Европы. Венский конгресс, как подчеркивает Х. Духхардт, отличался от международных конгрессов эпохи Старого порядка. Если раньше в инструкциях дипломатам предлагалось вести жаркие споры, то теперь с этим не было никаких проблем. Здесь автор очень к месту приводит фразу Меттерниха о том, что Венский конгресс не был конгрессом, его открытие не было открытием, его комиссии не были комиссиями, его цель заключалась в том, чтобы создать Европу “без границ”, т.е. чтобы представители великих держав встретились и объяснили свои решения другим членам европейской семьи государств (с. 79).

В главе “Игры с огнем” хорошо показаны трения между Россией и Пруссией из-за Польши и Саксонии, когда прусский король настаивал на включении Саксонии в состав Пруссии, чему противился российский император. Автор также обращает внимание на то, что российская сторона предлагала сделать Польшу полусуверенным государством с более или менее либеральной конституцией. Меттерних опасался российского “продвижения на запад” и поддерживал Пруссию, упирая на то, что Речь Посполитая может возродиться в границах 1772 г. Кэстлри, напротив, не был склонен преувеличивать опасность со стороны России, хотя считал, что нельзя отдавать Польшу це-

ликом под контроль России. Х. Духхардт в связи с этим точно подмечает, что ими хорошо воспользовался Талейран с целью укрепления позиции Франции и вхождения ее в концерт великих держав (с. 82–85).

Интересна последняя глава “Бешеный финал”, в которой описываются последовавшие за “ста днями” Наполеона быстрые решения и договоры, особенно по созданию Германского Союза, который не мог стать, как отмечает автор, основой подлинного государства Нового времени (с. 116). В целом Х. Духхардт высоко оценивает место и роль Венского конгресса в истории Европы Нового времени, но вместе с тем считает, что он заслуживает критики, так как архитекторы венской системы не учли границы расселения народов и произвольно передвинули их, не учтя либеральных настроений, наконец, не осудили интервенцию как метод решения политических проблем. Но, замечает автор, когда мирные конгрессы могли принять такие решения, которые не обманывали бы ничьих надежд (с. 120)?

Конечно, с некоторыми положениями и выводами автора можно было бы поспорить, но нельзя не согласиться с тем, что книга Х. Духхардта дает четкое и ясное представление о работе и итогах Венского конгресса.

Ю. Е. Ивонин,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Смоленского государственного университета